

Трибуна молодого автора

УДК 281.93:266(470.342)(045)

М.А. Орлов

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЯТСКОГО ЕПИСКОПА ВЕНИАМИНА (САХНОВСКОГО)

Статья посвящена христианизации вятских удмуртов при епископе Вениамине (Сахновском). Этот архиерей был вторым, после епископа Алексия (Титова), вятским архипастырем, который распространял христианство среди удмуртов. Рассматривается его миссионерская деятельность до и после учреждения Новокрещенской конторы. Уточняются некоторые историографические выводы, касающиеся практики христианизации в Поволжье. Поднимается вопрос о финансовой поддержке вятской миссии со стороны государства. Публикуется переписка епископа Вениамина со Св. Синодом по вопросу материального обеспечения вятской миссии. Отмечается личный вклад епископа Вениамина в процесс христианизации удмуртов: архиерейские поездки к удмуртам, основание первого новокрещенского прихода в с. Елово, выделение собственных средств на организацию миссионерского дела. Одной из сторон деятельности епископа стала защита удмуртов от притеснений каринских татар. Итогом миссионерских трудов епископа Вениамина стала организация первого в истории удмуртов новокрещенского прихода в с. Елово.

Ключевые слова: Вятская епархия, епископ, Вятская провинциальная канцелярия, новокрещенные, христианизация, удмурты.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-131-139

История христианского просвещения нерусского населения Вятки при епископе Вениамине (Сахновском) уже в XIX в. привлекала внимание исследователей. Деятельность этого архипастыря в деле распространения православной веры среди удмуртов интересовала не только вятских историков, но и воронежских, т. к. епископ Вениамин, покинув Вятку, переехал на воронежскую кафедру. Таким образом, воронежские биографы епископа Вениамина должны были обращать внимание и на вятский период его архиерейства, в т. ч. на миссионерскую деятельность среди удмуртов. Воронежский священник Дмитрий Самбкин опубликовал несколько статей на эту тему в «Воронежских епархиальных ведомостях» [1–3]. Среди вятских историков особое место в исследовании данной темы принадлежит П. Н. Луппову, который в своей работе «Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века» [12] достаточно подробно и, насколько позволяли рамки монографии, всесторонне изучил роль епископа Вениамина в христианизации вятских удмуртов. Данная работа, пожалуй, по сей день остаётся наиболее полным трудом по истории православной миссии среди удмуртов в XVIII в. Однако, стоит заметить, что П. Н. Луппов в указанной работе использовал далеко не все архивные источники, отражающие миссионерскую деятельность епископа Вениамина. Советская историография практически не интересовалась биографиями вятских архиереев, а история христианизации рассматривалась весьма поверхностно, если была связана с социально-экономическими процессами и классовой борьбой народных масс.

В постсоветской историографии вновь стали появляться работы, посвящённые личному вкладу вятских архиереев в дело распространения христианства среди нерусского населения Вятки. В частности, появились работы, в которых рассмотрена миссионерская деятельность епископа Вениамина. Н. А. Комолов дал положительную оценку вкладу епископа Вениамина в дело распространения христианства среди удмуртов. Стоит отметить, что в работе использованы известные источники, вопросы поставлены те же самые, которые имели место быть в дореволюционной историографии [9, с. 46]. Деятельность епископа Вениамина как главы Вятской епархии рассмотрена и В. Б. Помеловым, который, однако, обратил внимание только на одно направление архипастырской деятельности епископа Вениамина, а именно: на восстановление хлыновской семинарии, пришедшей в упадок после смерти епископа Лаврентия (Горки). Миссия же удмуртам осталась не изученной [16]. В недавних работах также упомянут епископ Вениамин, однако и здесь исследования носили в основном контекстный характер [10; 14]. Нашей целью будет постановка новых вопросов, связанных с миссионерской дея-

тельностью епископа Вениамина, основываясь не только на опубликованных источниках, но и на неопубликованных, в первую очередь — архивных.

В 1739 г. с коломенской архиерейской кафедры, одной из важнейших в синодальной системе управления, на Вятку был направлен епископ Вениамин. Обстоятельства перевода епископа Вениамина на Вятку остаются неизвестными. П. Н. Луппов склонен был видеть причину удаления Вениамина с коломенской кафедры в смерти его всесильного покровителя — Феофана Прокоповича [12, с. 117]. Воронежский биограф епископа Вениамина, священник Димитрий Самбикин, был уверен, что на Вятке этот архиерей «жилествовал не по своему желанию» [1, с. 567]. С момента учреждения вятской епархии Вениамин был уже третьим коломенским епископом, который отправлялся на Вятку вопреки своему желанию¹.

Вениамин принадлежал к тому поколению архиереев, которые прочно основались на русских кафедрах в петровскую и послепетровскую эпоху, повсюду вводя малороссийские и западные новизны. Интересно заметить, что из книг, хранившихся в библиотеке епископа Вениамина, большая часть принадлежала английской и голландской типографиям, а книг российской печати было едва ли больше, чем латинских; греческие же вовсе отсутствовали [2, с. 610]. Даже посвящал в духовный сан он «не по греческому и великороссийскому обыкновению», а по малороссийскому чину [4, с. 447]. Под покровительством Феофана Прокоповича епископ Вениамин расследовал дела об опальных архиереях с точностью «до нетерпимости» [4, с. 443].

Прибыв на Вятку, епископ Вениамин не только не имел перед собой миссионерских задач, но даже не знал, что на территории вверенной ему епархии, кроме православных христиан, проживают представители иных вероисповеданий. Не без удивления епископ пишет Св. Синоду: «уведомился я, что обретаются иноверныя языки, неведующие истиннаго Бога и востребовал от Духовного приказа о тех отяках, татарах, мордве и черемисах и прочих» [17, ф. 796, оп. 1, д. 157, л. 28]. Вскоре епископ Вениамин получил данные о числе новокрещеных, которых по справке Духовного приказа оказалось всего 4 чел. На деле новокрещеных было около сотни, тем не менее, епископу Вениамину сообщили, что его предшественниками крещено всего 4 чел. [17, ф. 796, оп. 1, д. 157, л. 28]. Такое несоответствие может говорить лишь об одном: после архиепископа Алексия (Титова), который оставил после себя 95 новокрещеных удмуртов, в Вятской епархии никто всерьез не занимался делом дальнейшего распространения христианской веры.

Единичные случаи крещения удмуртов имели место быть и до приезда епископа Вениамина. В 1737 г. удмурт Афанасий Попов крестился сам и просил окрестить своих сестёр [18, ф. 237, оп. 81, д. 127, л. 1–4]. В июле 1739 г. удмурт Ермак со своим семейством крестился в Казани в Конторе новокрещенских дел. Посылая Ермака на Вятку, Контора вместе с тем послала в Верхочепецкий Воздвиженский монастырь промеморию², в которой просила уведомить гражданские власти Вятки, чтобы они на основании указа Петра I предоставили новокрещеному льготу от уплаты налогов на три года [18, ф. 237, оп. 81, д. 128, л. 6]. П. Н. Луппов считал, что дело новокрещеного Ермака побудило епископа Вениамина организовать христианизацию вятских язычников [12, с. 117]. Действительно, дела, относящиеся к первым месяцам управления епископом Вениамином Вятской епархией содержат упоминание о новокрещеном Ермаке. В деле о крещении 12 удмуртов, просивших вятские духовные власти крестить их в православную веру, приводится ссылка на «казанский прецедент» с указанием на необходимость предоставить налоговую льготу [18, ф. 237, оп. 81, д. 131, л. 1об]. Подобные ссылки на крещение Ермака имеются и в других делах [18, ф. 237, оп. 81, д. 135, 136].

Мотивы принятия крещения удмуртами не совсем ясны. Стоит заметить, что в 1739–1740 гг., несмотря на ссылки вятского епархиального начальства о крещении Ермака в Казани и необходимости предоставить новокрещеным льготы, как это делалось в Казани, вятские гражданские власти не спешили освободить крестившихся удмуртов от податей. Епископ Вениамин писал в Св. Синод, что Вятская провинциальная канцелярия, несмотря на наличие царских указов, льготы не предоставляет. Более того, сборы «взыскиваются неослабно», а чиновники Слободской канцелярии вместе с каринскими татарами берут взятки и кабалы с новокрещеных [17, ф. 796, оп. 1, д. 157, л. 39об]. Видно, что принятие крещения происходило при неблагоприятных обстоятельствах для тех, кто принимал хри-

¹ Первым коломенским архиереем, направленным на Вятку, был Александр, лишившийся своей кафедры в связи с реформами патриарха Никона. Второй — архиепископ Алексий (Титов), третий — Вениамин.

² Название официального документа в делопроизводстве XVIII в. Промемории посылались в равные по статусу официальные учреждения.

стианство. В первый год управления Вятской епархией епископом Вениамином не было организовано никаких специальных миссий, а государственные органы не только не помогали, но даже сопротивлялись деятельности епископа Вениамина. А это убедительно опровергает тот взгляд, что христианизация в Поволжье повсеместно осуществлялась насильственно [7, с. 46]. В некоторых прошениях удмуртов можно увидеть намёк на стремление стать благочестивым христианином. Новокрещёный Гаврил Николаев просит определить его к слободскому жителю Вонифатию Бурову, чтобы тот как «человек добре» и «христианскому обычаю искусен» обучил его православной вере [18, ф. 237, оп. 81, д. 128, л. 11–11об]. Первые дела о крещёных удмуртах на Вятке свидетельствуют о живом интересе этого народа к православной вере. Возможно, имел место пример первых новокрещённых удмуртов, которые, по свидетельству вятского епископа Алексия (Титова), были достаточно благонадежны в христианской вере, ибо «никто из них не развратишася» [17, ф. 796, оп. 1, д. 157, л. 10об].

К осени 1740 г., т. е. через год с момента приезда на вятскую кафедру епископа Вениамина, крещение приняло, как доносил сам архиерей: «ово по увещеванию моему, ово из воли своей» 58 чел. в 1739 г. и 83 в 1740 г [17, ф. 796, оп. 1, д. 157, л. 45]. Интенсивность присоединения удмуртов к сообществу православных христиан ещё более возросла, когда весной 1741 г. был объявлен рекрутский набор в российскую армию. Поскольку большинство нерусских народов Поволжья, за исключением татар, были язычниками, то для многих не представляло большой трудности на словах назвать себя христианами, только бы избежать рекрутчины. Церковный историк А. Карташев заметил, что язычник «толерантен, но не из признания за другим права иметь собственную субъективную истину, а из принципиального согласия с другим в объективной истинности его божества» [8, с. 148]. Другими словами, язычник может принять в свой пантеон любое божество, если уверится, что оно принесёт ему значительное материальное благо. Этим, по всей видимости, и объясняется, почему с каждым рекрутским набором число новокрещённых постоянно увеличивалось. В марте и апреле 1741 г., в разгар рекрутского набора, по подсчётам П. Н. Луппова, христианскую веру приняли 288 удмуртов [12, с. 140]. Здесь мы уже сталкиваемся с совершенно новым явлением в истории христианской миссии на Вятке, и, наверное, на всём Поволжье, где процесс христианизации шёл примерно по схожему сценарию. С того момента, когда был объявлен императорский указ от 11 сентября 1740 г., началось более интенсивное крещение язычников. Вместе с тем, эта интенсивность не прибавляла «качества». Вот характерный пример. Если первые новокрещённые удмурты готовы были нести государственное тягло в виде налоговой и рекрутской повинности, то после 1740 г. появляется масса новокрещённых, которые начали угрожать духовенству за неполучение положенной законом льготы. Когда на Вятку прибыл миссионер Новокрещёнской конторы иеромонах Вениамин Григорович, то новокрещённые удмурты хотели бить его за то, что им по указу 1740 г. за принятие крещения не было дано денег [11, с. 469].

Если епископ Алексий (Титов) был первым на Вятке, кто начал посылать указы местному духовенству о приведении в христианство язычников, то епископ Вениамин в прямом смысле пошёл дальше: он сам поехал в «селитьбы» удмуртов. Во время одной из таких поездок по его инициативе в с. Елово был основан первый новокрещёнский приход на Вятке с церковью во имя Святой Троицы и приделами св. Андрея Первозванного и св. Стефана Великопермского. Вряд ли основание приделов в честь известных миссионеров являлось пустым символом. Они открывались с определённой установкой — продолжить распространение христианства в России. Ещё со времени императора Петра I апостол Андрей Первозванный становится одним из самых чтимых в высших слоях, в честь него были учреждены государственные награды. Святой Стефан Великопермский на Вятке в то время рассматривался в как один из главных небесных «патронов» этого северного края. В XVIII в. на территории Вяткой епархии учреждено было празднество в день памяти св. Стефана. Архиерейским приказом предписывалось, чтобы на всей Вятской земле в день памяти святого совершались торжественные богослужения. В городе Хлынове совершалась главная служба, после которой был крестный ход [18, ф. 237, оп. 74, д. 3, л. 536–536об]. Заметим, что сама епархия в то время называлась «Вятская и Великопермская».

Устройство прихода в с. Елово имело своё органическое продолжение, связанное с постройкой часовни в д. Дебес. Удмурты этой деревни крещены были казанским миссионером, иеромонахом Вениамином Григоровичем. В декабре 1741 г. иеромонах Вениамин проповедовал дебесским удмуртам при помощи жителя г. Хлынова Тимофея Трефилова, который был определён к этому делу епископом Вениамином. По подсчётам свящ. Игнатия (Фармаковского) результатом этой поездки стало крещение 171 удмурта [6, с. 147]. Уже на следующий год новокрещённые удмурты д. Дебес просят

«для моления повседневно построить собою деревянную часовню» [18, ф. 237, оп. 2, д. 4, л. 50–50об]. В указанных словах новокрещеных особый акцент падает на слово «собою». Известно, что новокрещеные удмурты в первое время христианизации редко проявляли инициативу в плане материального обеспечения приходской жизни. Здесь же они сами просят духовные власти дать разрешение на строительство молитвенного дома «дабы они за неимением в близости церкви и часовен от забвения своего не впали в прежнее свое суеверие и заблуждение» [18, ф. 237, оп. 2, д. 4, л. 50–50об]. Эти слова показывают, что далеко не все новокрещеные удмурты были равнодушны к новой вере. Впоследствии являются даже такие удмурты, которые просили сопровождать русских миссионеров, чтобы самим участвовать в деле распространения христианства среди язычников. В 1746 г. новокрещеный Иван Поздеев просил Вятскую духовную консисторию увещевать удмуртов-язычников совместно со священником Федором Ившиным [18, ф. 237, оп. 1, д. 1, л. 125об].

Епископ Вениамин был не только организатором миссионерского дела на Вятке, но и хотел собственным примером укрепить основы начатой им миссии. Летом 1741 г. он совершил ещё одну поездку в удмуртское село Елово. По подсчётам свящ. Игнатия Фармаковского за эту поездку в течение 4 дней было крещено 120 удмуртов обоёго пола [5, с. 125]. Согласно рапорту епископа Вениамина Св. Синоду число новокрещеных за два года управления его Вятской епархией выросло до 520 чел. [17, ф. 796, оп. 22, д. 611, л. 1]. В рапорте Св. Синоду о поездке в с. Елово епископ Вениамин просил прислать необходимую богослужебную литературу и церковную утварь в пользу первого новокрещенского прихода на Вятке. Во время заседания Св. Синода новгородский архиепископ Амвросий и псковский епископ Стефан предписали выслать на Вятку требуемую литературу. Список богослужебной литературы включал: Триодь цветную, Триодь постную, Евангелие (печати 1733 г.), Псалтирь, Ирмологи и Минеи [17, ф. 796, оп. 22, д. 611, л. 8–8об]. Стоит заметить, что с присылкой церковной литературы на Вятку в первое десятилетие после учреждения Новокрещенской конторы, по-видимому, особых проблем не возникало. Эта мысль подтверждается перепиской следующего вятского епископа, Варлаама, со Св. Синодом. Из этого дела видно, что требуемые на Вятку книги присылались без особых промедлений и в необходимом объёме [17, ф. 796, оп. 25, д. 337, л. 53–54]. Если дело с присылкой церковной утвари и литературы стояло на позитивном фундаменте, то вопрос о финансовом, т. е. денежном, снабжении Вятской миссии стал болезненным пунктом для вятских архиереев, в т. ч. и для епископа Вениамина.

Епископ Вениамин не раз писал в Св. Синод о том, что ему приходится из собственных келейных денег выделять средства на нужды миссии. Вятский архиерей не раз писал в Новокрещенскую контору о выдаче необходимых денег для законного жалования новокрещеным. Поскольку деньги не присылались, то епископ Вениамин выделил 1 тыс. руб. для раздачи новокрещеным удмуртам из собственных средств [17, ф. 796, оп. 23, д. 31, л. 16–16об]. Сложившаяся ситуация приводила к следующему. Во-первых, финансировать миссионерское дело стала не центральная гражданская власть, а местная епархиальная. Во-вторых, сложившийся казус привёл к приостановке крещения удмуртов. Св. Синод предписал временно выдавать деньги из средств архиерейских с тем, чтобы архимандрит Димитрий Сеченов возвратил необходимую сумму. Этот указ был послан архимандриту Димитрию, который в рапорте о получении указа написал: «непременное исполнение чинено будет без упущения» [17, ф. 796, оп. 22, д. 126, л. 2–2об]. Спустя полгода, в августе 1741 г., епископ Вениамин вновь пишет в Св. Синод, что правитель Новокрещенской конторы, архимандрит Димитрий Сеченов, на посланный из Вятки запрос о материальном вспоможении денег не присылал [17, ф. 796, оп. 22, д. 611, л. 2]. Уже сложившаяся тенденция имела своё логическое продолжение. В 1742 г. Вятская духовная консистория вновь выдаёт на нужды миссии «взаимобразно» 100 руб., напоминая, что те деньги надлежит выдавать главе Новокрещенской конторы архимандриту Димитрию Сеченову [18, ф. 237, оп. 2, д. 4, л. 35–35об].

И в последующем духовные власти Вятки продолжают исполнять финансовые обязательства, изначально взятые на себя государством. Не лишним будет заметить, что дело о возврате выданных епископом Вениамином денег в казну вятского архиерейского дома тянулось до 1770 г., когда в живых не было уже ни епископа Вениамина, ни основных деятелей Новокрещенской конторы, а правила уже не набожная Елизавета Петровна, а любительница французских просветителей Екатерина II. В 1770 г., после нескольких лет неутомимой переписки вятских архиереев с синодальным ведомством о возврате издержанных епископом Вениамином, а впоследствии епископом Варлаамом (Скам-

нищим) келейных денег, резолюцией было определено: «по нынешним обстоятельствам оные деньги к возвращению уже не следуют» [17, ф. 796, оп. 23, д. 31, л. 187].

О причинах такой задержки в выдаче денег приходится лишь догадываться. В XIX в. исследователь деятельности Новокрещенской конторы свящ. Ефимий (Малов) писал, что преимущественной задачей миссии в первое время было «обращение чуваш, черемис и мордвы», т. к. эти народности проживали вокруг Свияжска, являвшегося штаб-квартирой Новокрещенской конторы [13, с. 40]. В связи с этим, можно предположить, что удалённость удмуртов по сравнению с указанными народами от центра деятельности Новокрещенской конторы стала одной из причин невыплаты необходимых на миссию денег. Ещё одной причиной можно считать неверный учёт возможностей российского бюджета с реалиями миссионерской практики. Рассчитанной в Указе 1740 г. 10 тысячной суммы явно не хватало на обеспечение миссионерской деятельности, раскинувшейся на огромных просторах Поволжья и Вятско-Камского края.

Епископ Вениамин нередко выступал посредником в деле предоставления налоговых льгот новокрещеным, т. к. Вятская провинциальная канцелярия в этом вопросе не исполняла царских указов. Ещё П. Н. Луппов писал о том, что действия вятских гражданских властей в данном случае были незаконными. Вятская провинциальная канцелярия ссылалась на губернаторский и воеводский наказ 1728 г., запрещавший своевольно вносить изменения в порядок сбора податей. Вместе с тем, существовали царские указы, прямо предписывавшие установление налоговых льгот новокрещеным, а наказ 1728 г. запрещал лишь *своевольное* сложение податей [12, с. 125]. Надо заметить, что данная проблема имела место быть не только в пределах Вятской епархии. Архимандрит Димитрий Сеченов также доносил Св. Синоду, что Казанская и Нижегородская губернские канцелярии, а также местные провинциальные канцелярии льгот новокрещеным не представляют [15, т. XI, № 8792, с. 916]. Возможно, что на действия местных провинциальных канцелярий, отказывавших в сложении податей с новокрещенных, оказывали сильное воздействие указы Анны Иоанновны, касавшиеся сбора налогов. Эти указы создавали сильное напряжение в среде местной бюрократии. Указ от 10 января 1740 г. предписывал за несвоевременную отсылку налогов брать от имений самих местных чиновников [15, т. XI, № 8000, с. 5].

Для вятского архиерея вопрос о предоставлении налоговой льготы тесно переплетался с успехом миссии. Епископ Вениамин был убеждён, что требование с новокрещенных податей, которых они не должны были платить, останавливает язычников креститься, а новокрещенные от того могут впасть в прежнее суеверие [17, ф. 796, оп. 22, д. 126, л. 3об]. Взгляд епископа Вениамина, что от внешнего успеха зависит усвоение христианской веры, контрастирует с той мыслью, на которой основывались многие церковные иерархи со времени учреждения первых миссий. В 1721 г. Св. Синод, составляя проект миссии для вятского епископа Алексия (Титова), между прочим, строго предписывал духовенству, крестившему удмуртов, наблюдать чтобы «не под видом ли какого своего прибытка приемлют на ся такую благодать Божию или не от тяжких податей на них наложенных» [17, ф. 796, оп. 1, д. 157, л. 4]. Даже перед самым началом миссионерских начинаний епископа Вениамина Вятская духовная консистория предписывала местным священникам, дабы те напоминали язычникам, что крестятся они не для сложения с себя налогового бремени [18, ф. 237, оп. 2, д. 3, л. 14].

Чтобы дополнить картину вклада епископа Вениамина в миссионерское дело на Вятке, осталось выделить ещё одно направление его деятельности. Вятско-Камский регион считается одним из самых полиэтничных в России. Бассейн рр. Вятки и Камы издавна населяли русские, удмурты, бексермяне, марийцы и татары. О сложности взаимоотношений этих этносов в литературе уже много было сказано. Но до сих пор не рассмотрен вопрос о роли вятских архиереев в урегулировании этих противоречий. Епископ Вениамин является едва ли не первым, кто попытался смягчить антагонизм, веками слагавшийся между удмуртами и татарами. На этом поприще вятскому архиерею удалось добиться признания незаконной кабалы, которая была наложена татаринном Абдулом Деветьяровым в отношении нескольких удмуртов. Епископ потрудился отыскать древние грамоты московских царей, запрещавших кабалить нерусское население Вятки. Во время заседания Слободской канцелярии татарин Абдул Деветьяров «признав свою неправость не пошед в суд с помянутыми новокрещеными», но, помирившись с ними «отдал тое кабалу им безденежно» [17, ф. 796, оп. 1, д. 157, л. 41]. Безусловно, этот пример должен был поднять авторитет вятского архиерея в глазах новокрещенных и, таким образом, укрепить положение церковной иерархии в среде новой христианской общности.

Заступничество, или, как в древней Руси называли, право «печалования», выразилось не только при этнических противоречиях. Известен случай, когда епископ Вениамин выступил ходатаем перед

высшими властями за новокрещеную удмуртку Оксю, убившую своего мужа. Сразу стоит оговориться, что мужа она убила, будучи язычницей в ответ на причиняемые ей насилия. Находясь в заключении, Окся написала письмо на имя архиерея, в котором изъявила желание креститься и просила за то «вину мою в том мне отпустить» [18, ф. 237, оп. 81, д. 164, л. 1об]. Епископ Вениамин ходатайствовал в Св. Синод, чтобы к тому времени уже новокрещеную Дарью «милосердия ради свободить... понеже в таковое согрешение впала живши в суеверстии, а святым крещением очищаются многие грехи» [18, ф. 237, оп. 81, д. 164, л. 9об–10]. Как видим, епископ основывается на общем понятии Таинства Крещения, которое в христианской традиции рассматривается как рождение в новую жизнь, а старая жизнь со всеми грехами оставляется. Вениамин мотивирует ещё тем, что и другие язычники, глядя на такое милосердие, проявленное верховной властью, «возымеют охоту» креститься.

Все высшие органы власти, рассматривавшие это дело, пришли в некоторое затруднение. Дело в том, что на тот момент отсутствовал закон, разрешавший прощать преступников по причине принятия православной веры. Слободская канцелярия рапортовала: «такимым за оные продерзости вин кто из иноверцов пожелает святое крещение принять указов в присылке ниоткуда не имеется» [18, ф. 237, оп. 81, д. 164, л. 4–4об]. Когда дело дошло до Сената, то и там не знали, как поступить. Тогда дело направили в Св. Синод, чтобы высший церковный орган высказал своё мнение, можно ли «за принятие православной христианской веры от смертной казни свободить и по каким церковным правилам» [17, ф. 796, оп. 21, д. 306, л. 4]. Члены Св. Синода также не нашли особых церковных постановлений по данному вопросу, а потому сослались на прецедент, имевший место в 1737 г., когда некая протестантка Анна была также освобождена от смерти по Высочайшему, т. е. императорскому повелению. На этом основании из Сената на Вятку был послан указ, за подписью Его Императорского Величества, чтобы оную новокрещеную ради поминовения умершей императрицы Анны Иоанновны и здоровья нового императора, освободить от смертной казни [17, ф. 796, оп. 21, д. 306, л. 9]. Прецедент с новокрещеной удмурткой носил частно-правовой характер. Указ об отпущении ей вины был издан в декабре 1740 г., а уже через три месяца, 11 марта 1741 г. от имени императрицы Анны Леопольдовны выйдет общегосударственный закон об освобождении от смертной казни тех, кто примут православную веру [15, т. XI, № 8482, с. 549]. Нет сомнения, что дело об удмуртке Оксе стало прототипом для общего закона Российской империи.

Как видим, деятельность епископа Вениамина была проникнута действенной заботой и христианской любовью к новокрещеным удмуртам. Вятский архиерей не только выступал ходатаем за новокрещеных перед властями, но и устанавливал со многими личный контакт. В Хлынове он лично был восприемником приходящих ко крещению удмуртов, ездил в их селения, беседовал с ними. Одного из удмуртов, Ивко Келдышева (в святом крещении Стефана), епископ Вениамин оставил даже служить при себе. Впоследствии новокрещённый Стефан ездил с келейными служителями вятского епископа Варлаама в Москву и Санкт-Петербург [18, ф. 237, оп. 74, д. 104, л. 1]. Особое внимание обращает на себя послание епископа Вениамина новокрещеным удмуртам. В нём вятский архиерей именуется их «сущим церкви святых сыновом», достойным райского блаженства [3, с. 1037]. Как видим, епископ Вениамин был чужд национальной исключительности, нигде не говорил о том, что русские по вере превосходят новокрещеных удмуртов.

Несмотря на явные успехи в миссии, епископ Вениамин не один раз просил императрицу Елизавету Петровну перевести его на другую кафедру. Его желание, наконец, было исполнено, и в 1742 г. он уже получил архиерейскую кафедру в Воронеже. Прожил он здесь до 1 сентября того же года. За это время он успел приобрести народную признательность. Свящ. Димитрий Самбикин указывал на то, что воронежцы в своих семейных помянниках наряду со святителями Тихоном I, Арсением и Антонием I вписывали имя Вениамина [2, с. 608].

В заключение можно сделать несколько выводов о миссионерской деятельности епископа Вениамина. Действия этого архиерея не лишены были необходимой миссионеру заинтересованности в успехе распространения христианства. Епископ Вениамин лично посещал удмуртов, вёл с ними назидательные беседы о вере. Это был архиерей из числа тех, которые руководили миссией не силой указов, а личным участием и присутствием, что создавало миссии определённый колорит. Подобной энергией отличался казанский епископ Лука Канашевич. Заслуживает внимания и организация новокрещённого прихода в с. Елово как центра дальнейшего распространения христианства среди удмуртов. Значимость приходской церкви в деле утверждения новокрещённых в новой вере весьма велика. Известно, что те местности, которые были наиболее удалены от православного храма, оставались

двоеверными с явным перевесом в сторону остатков язычества. Епископу Вениамину удалось найти весьма ревностного миссионера в лице священника Федора (Ившина), который впоследствии обратит к православной вере несколько тысяч удмуртов. Наконец, вклад епископа Вениамина в дело христианизации удмуртов проявился в материальном обеспечении миссии.

Вместе с тем, нельзя упускать из виду того, что в массе своей удмурты воспринимали новую веру поверхностно. Немалая часть в этот период, как впрочем, и в последующее время, крестилась не из желания преобразить внутренний мир духа, а из простых утилитарных соображений. Особенно показателен в этом смысле рекрутский набор 1741 г., давший при епископе Вениамине едва ли не самое большое число обратившихся в христианство. Большим залогом успешного усвоения основ православной веры во все времена был перевод богослужебных текстов на местные языки. Полноценные переводы христианской литературы на удмуртский язык получают своё бытие лишь со второй трети XIX в., с момента учреждения новой Миссии. Наконец, при епископе Вениамине не было основано школ для обучения удмуртов основам славянского языка и основ веры. Нужно, впрочем, заметить, что этап внешнего восприятия христианства для масс новокрещенных во все времена являлся необходимой ступенью для внутреннего усвоения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Димитрий Самбикин, свящ.* Преосвященный Вениамин 6-й епископ Воронежский // Воронежские епархиальные ведомости. 1870. № 12. С. 565–571.
2. *Димитрий Самбикин, свящ.* Преосвященный Вениамин 6-й епископ Воронежский // Воронежские епархиальные ведомости. 1870. № 13. С. 603–614.
3. *Димитрий Самбикин, свящ.* Преосвященный Вениамин 6-й епископ Воронежский // Воронежские епархиальные ведомости. 1870. № 23. С. 1031–1039.
4. Епископ Вениамин Сахновский // Воронежские епархиальные ведомости. 1902. № 18. С. 425–448.
5. *Игнатий (Фармаковский), свящ.* Материалы для истории Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 4. С. 111–130.
6. *Игнатий (Фармаковский), свящ.* Материалы для истории Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 5. С. 146–152.
7. *Ислаев Ф. Г.* Православные миссионеры в Поволжье. Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. 128 с.
8. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. Минск: Белорусский Экзархат, 2007. 719 с.
9. *Комолов Н. А.* Вятский епископ Вениамин (Сахновский) // Религия и церковь в культурно-историческом развитии русского севера: материалы междунар. конф. Т. 1. Киров: Киров. НБ, 1996. С. 44–47.
10. *Кустова Е. В.* Личностный фактор в миссионерской деятельности среди удмуртов в середине XVIII в.: на материалах жизни игумена Феодота (Ившина) // Вестн. Удм. ун-та. 2014. Вып. 1. С. 48–55.
11. Лука Канашевич, епископ Казанский // Православный собеседник. 1858. Ч. III. С. 464–500.
12. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб.: Тип. М. П. Фроловой, 1899. 333 с.
13. *Малов Е., свящ.* О Новокрещенской конторе. Речь, произнесённая в торжественном собрании казанской духовной академии, 1878 г. // Православный собеседник. 1878. Ч. III. Приложение.
14. *Никольский Е. В., Ефимов В. Ф.* Проблемы миссионерской деятельности в Удмуртии XIX века: культурологический и социально-педагогический аспекты // Вестн. Удм. ун-та. 2016. Т. 26. Вып. 5. С. 143–157.
15. Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. Первое. Т. XI. СПб., 1830 (ПСЗРИ-1).
16. *Помелов В. Б.* Просветительская деятельность Русской православной церкви (начало – вторая треть XVIII в.) // Религии народов Вятского края: учеб.-справ. пос. / отв. ред. А. Г. Поляков. Киров: Лобань, 2006. С. 36–61.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА).
18. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГА КО).

Поступила в редакцию 03.08.2019

Орлов Максим Александрович, аспирант кафедры истории и политических наук
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»
610000, Россия, г. Киров, ул. Московская, 36
E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

*М.А. Орлов***MISSIONARY ACTIVITY OF VYATKA BISHOP VENIAMIN (SAKHOVSKY)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-131-139

The article is devoted to the Christianization of the Vyatka Udmurts under Bishop Veniamin (Sakhnovsky). This bishop was the second, after Bishop Alexy (Titov), the Vyatka archpastor, who spread Christianity among the Udmurts. His missionary activity is considered before and after the establishment of the Novokreshchensk cantor. Some historiographic conclusions concerning the practice of Christianization in the Volga region are specified. The question of financial support for the Vyatka mission by the state is raised. Correspondence of Bishop Veniamin with the Holy Synod on the material support of the Vyatka mission is published. The personal contribution of Bishop Veniamin to the process of Christianization of the Udmurts is noted: bishop trips to the Udmurts, the foundation of the first Novo Baptist parish in the village of Elovo, allocation of his own funds for the organization of missionary work. One of the sides of the bishop's activity was the protection of the Udmurts from the oppression of the Karin Tatars. The result of the missionary work of Bishop Veniamin was the organization of Novokreshchensky parish in the village of Elovo – the first one in the history of Udmurts.

Keywords: Vyatka diocese, bishop, Vyatka provincial chancellery, newly baptized, christianization, Udmurts.

REFERENCES

1. *Dimitrij Sambikin, svyashch.* Preosvyashchennyj Veniamin 6-j episkop Voronezhskij [His Grace Benjamin 6th Bishop of Voronezh]. Voronezhskie eparhial'nye vedomosti [Voronezh diocesan sheets], 1870, no. 12, pp. 565–571. (In Russian).
2. *Dimitrij Sambikin, svyashch.* Preosvyashchennyj Veniamin 6-j episkop Voronezhskij [His Grace Benjamin 6th Bishop of Voronezh]. Voronezhskie eparhial'nye vedomosti [Voronezh diocesan sheets], 1870, no. 13, pp. 603–614. (In Russian).
3. *Dimitrij Sambikin, svyashch.* Preosvyashchennyj Veniamin 6-j episkop Voronezhskij [His Grace Benjamin 6th Bishop of Voronezh]. Voronezhskie eparhial'nye vedomosti [Voronezh diocesan sheets], 1870, no. 23, pp. 1031–1039. (In Russian).
4. Episkop Veniamin Sakhovskij [Bishop Benjamin Sakhnovsky]. Voronezhskie eparhial'nye vedomosti [Voronezh diocesan sheets], 1902, no. 18, pp. 425–448. (In Russian).
5. *Ignatij (Farmakovskij), svyashch.* Materialy dlya istorii Vyatskoj eparhii [Materials for the history of the Vyatka diocese]. Vyatskie eparhial'nye vedomosti [Vyatka diocesan sheets], 1863, no. 4, pp. 111–130. (In Russian).
6. *Ignatij (Farmakovskij), svyashch.* Materialy dlya istorii Vyatskoj eparhii [Materials for the history of the Vyatka diocese]. Vyatskie eparhial'nye vedomosti [Vyatka diocesan sheets], 1863, no. 5, pp. 146–152. (In Russian).
7. *Islaev F. G.* Pravoslavnye missionery v Povolzh'e [Orthodox missionaries in the Volga region]. Kazan, Tatar book Publ., 1999, 128 p. (In Russian).
8. *Kartashev A. V.* Oчерки по истории Русской Церкви [Essays on the history of the Russian Church]. T. I. Minsk, Belarusian Exarchate Publ., 2007, 719 p. (In Russian).
9. *Komolov N. A.* Vyatskij episkop Veniamin (Sakhovskij) [Vyatka Bishop Benjamin (Sakhnovsky)]. Religiya i cerkov' v kul'turno-istoricheskom razvitii russkogo severa: materialy mezhdunarodnoj konferencii [Religion and the Church in the Cultural and Historical Development of the Russian North: Materials of an International Conference]. T. I. Kirov: "Kirov. NB" Publ., 1996. pp. 44–47. (In Russian).
10. *Kustova E. V.* Lichnostnyj faktor v missionerskoj deyatelnosti sredi udmurtov v seredine XVIII v.: na materialah zhizni igumena Feodota (Ivshina) [The personal factor in missionary activity among the Udmurts in the middle of the 17th century: on the materials of the life of Hegumen Feodot (Ivshin)]. Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University], 2014, issue 1, pp. 48–55. (In Russian).
11. Luka Kanashevich, episkop Kazanskij [Luka Kanashevich, Bishop of Kazan]. Pravoslavnyj sobesednik [Orthodox interlocutor], 1858, part III, pp. 464–500. (In Russian).
12. *Lupov P. N.* Hristianstvo u votyakov so vremeni pervyh istoricheskikh izvestij o nih do XIX veka [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical news of them until the 19th century]. Saint Petersburg, M. P. Frolov's Print., 1899, 333 p. (In Russian).
13. *Malov E., svyashch.* O Novokreshchenskoj kantore. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii kazanskoj duhovnoj akademii 1878 g. [About the Novokreshchenskaya cantor. Speech delivered at the ceremonial meeting of the Kazan Theological Academy in 1878]. Pravoslavnyj sobesednik [Orthodox interlocutor], 1878, part III, Attachment. (In Russian).
14. *Nikol'skij E. V., Efimov V. F.* Problemy missionerskoj deyatelnosti v Udmurtii XIX veka: kul'turologicheskij i social'no-pedagogicheskij aspekty [Problems of missionary activity in Udmurtia of the 19th century: cultural and socio-pedagogical aspects]. Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University], 2016, vol. 26, issue 5,

pp. 143–157. (In Russian).

15. *Pomelov V. B.* Prosvetitel'skaya deyatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi (nachalo — vtoraya tret' XVIII v.) [Educational activities of the Russian Orthodox Church (beginning — second third of the 18th century)]. *Religii narodov Vyatskogo kraja: uchebno-spravochnoe posobie* [Religions of the peoples of the Vyatka region: a training manual]. Repl. ed. A. G. Polyakov. Kirov, "Loban" Publ., 2006. pp. 36–61. (In Russian).
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe (PSZRI–1)* [The complete set of Russian Empire statutes. Set One]. Т. XI. Saint Petersburg, 1830. (In Russian).
17. Rossijskij Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. (in Russian, unpublished).
18. Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti (CGA KO) [Central State Archive of the Kirov Region (CSA KR)]. (in Russian, unpublished).

Received 03.08.2019

Orlov M. A., postgraduate student at Department of History and Political Sciences
Vyatka State University
Moskovskaya st., 36, Kirov, Russia, 610000
E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru